

Связь души и тела в стилистике Андрея Платонова

© В. Г. СМЕРНОВА,
кандидат филологических наук

В статье показано, как, опираясь на русскую языковую систему, Андрей Платонов находит возможности для передачи своего понимания человеческой природы как некоего психофизического единства. Установление связи между явлениями психического и физического порядка на языковом уровне проявляется по-разному, но чаще всего ведет к переосмыслению отвлеченных существительных.

Ключевые слова: человеческая природа, психофизическое единство, метафора, сердце.

В русской литературе существует богатый опыт изображения человека, основанный на органичном сближении психического и физического его начал. Это определяющая черта и поэтики А. Платонова, на основе которой он формирует свое понимание сущности человека. Человек, по Платонову, – некое психофизическое единство. Человеческое тело не грешная плоть, но «вещество существования», в нем рождаются все душевные движения.

Особое место А. Платонов отводит сердцу. В словарной статье Л.Н. Иорданской [1] строго разграничиваются сердце как орган кровообращения и сердце как орган чувств и орган восприятия неявных фактов. Однако, по утверждению А.Д. Шмелева, в наивно-языковой модели человека противоречия между понятиями «орган кровообращения» и «орган чувств» нет, так как кровь и является носителем сильных чувств,

что подтверждается устойчивыми выражениями *кровь бросилась в голову, кровь застыла в жилах, кровь кипит, кровь играет, сердце кровью обливается* и др. [2]. Таким образом, то, что сердце человека – одновременно орган чувств и орган кровообращения, не является совмещением двух разнородных функций. Большой интерес в этом отношении представляет рассказ Платонова «Река Потудань» [3]. Вряд ли в литературе мы где-то еще встретим такую последовательную сосредоточенность на лексеме *сердце* при описании состояния человека.

Описание чувственно-эмоциональных ощущений героя передается Платоновым с помощью лексемы *сердце*, поскольку именно сердце обеспечивает переживание, переработку чувств: «Они (демобилизованные) шли с обмершим, удивленным сердцем, снова узнавая поля и деревни...»; «Никита жил в эти часы со сжавшимся кротким сердцем...»; «А Никита, опустив руки, скрывая свое сердце, молча стоял перед нею...»; «Никита думал о Любе, и опять его сердце наполнялось горем и силой»; «...и сердце его мучилось в тоске по утраченным сыновьям, в печали по своей скучно прошедшей жизни»; «...бессмысленность жизни, так же как голод и нужда, слишком измучили человеческое сердце».

Позволим себе сделать одно наблюдение гносеологического характера: лексема *сердце* в рассказе Платонова реализует как словарные значения, с которыми связаны представления о физиологическом процессе и о чувствах некоего субъекта, так и непривычное представление о сердце, как будто способном самостоятельно выступать в роли волеизъявляющего и чувствующего субъекта. Подобная трактовка наполняет платоновские фразы особым смыслом: «...в нем тронулось сейчас сердце, отвыкшее от чувства»; «...и сердце его мучилось в тоске по утраченным сыновьям, в печали по своей скучно прошедшей жизни»; «Никита также смотрел в ее лицо, и его сердце радовалось и болело от одного вида ее глаз...»; «...сердце его продрогло от долгого терпения и неуверенности».

Именно сердце как орган чувствования, по Платонову, обеспечивает на физиологическом уровне связь души и тела, поэтому в прозе Платонова мы находим многочисленные подтверждения тому, что физическая деятельность непосредственно связана с психическим состоянием. Можно сказать, что это научно установленный факт, но дело в том, что А. Платонов находит в самом языке возможности для передачи этой зависимости. Так, фраза «...а Фрося уже работала, спеша утомить ноги, чтобы устало ее тревожное сердце» («Фро») наводит на мысль о том, что существует прямая причинно-следственная связь между телесной и душевной усталостью, апатией («утомить ноги, чтобы устало... сердце»), что означает не просто установление зависимости одного от другого, но допущение непосредственного перехода физической усталости в психическую. Действительно, данные словаря Д.Н. Ушакова [4] не

ограничивают сочетаемость глаголов *утомить*, *утомиться* и *устать* с реалиями физическими и психическими.

Единосущность психического и физического начал в человеке находит выражение в эстетической трансформации языкового материала, в переосмыслении отвлеченных понятий, выражающих чувства, которые могут конкретизироваться: «Никита ничем, никакой работой не мог утомить свое горе и боялся, как в детстве, приближающейся ночи» («Река Потудань»); «...в этом тревожном спешащем шепоте была, как показалось Эриху, борьба с тайным страданием, желание утешить его и отдохнуть» («По небу полуночи»); «Слышно лишь было, как мать часто и трудно дышала, словно спеша переработать свое мучение» («Семен»).

В художественной картине Андрея Платонова деятельность сердца обеспечивает связь тела и души, переход материального в духовное. В рассказе «Афродита» Платонов описывает, как происходит эта метаморфоза: «Все материальное, серое и обыкновенное он принял столь близко к сердцу, что оно стало для него духовным и питало его страсть к работе. Сейчас он уже не помнил – сознавал ли он в то время, что все действительно возвышенное рождается лишь из житейской нужды; но он своими руками делал тогда это превращение материального в духовное...». В контексте от приближения к сердцу все материальное в прямом смысле становится духовным, так как сердце и душа связаны. Однако работа сердца автоматически не обеспечивает превращение: «...ее сердце будет биться, чтобы происходило кровообращение в теле, но не сможет превратиться в душу» («По небу полуночи»). Пробуждение души сопряжено с большой внутренней работой.

Характерно, что А. Платонов в самом языке находит возможности для того, чтобы процесс одухотворения был представлен как физиологический акт, связанный с работой сердца. Этот процесс описан со всей подробностью в рассказе «Возвращение»: «Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших обессиленных детей, и сам почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь и лишь теперь оно пробилось на свободу, заполнив все его существо теплом и содроганием. Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем». «Обнажившееся» сердце (по ассоциации с выражением *обнаженная совесть*, *душа*) – это сердце, сбросившее преграду, вышедшее из заключения в Иванове, чтобы чувствовать непосредственно, а потому, по Платонову, – «точнее и действительней». То, что происходит с сердцем капитана Иванова, – «пробилось на свободу» – напоминает метаморфозу: сердце из органа кровообращения превращается в душу и бьется уже не «напрасно».

Образ пробудившейся души дан Платоновым в непосредственной связи психического и физического, причем взаимопереходность доводится контекстом до своего логического завершения, когда для того чтобы не чувствовать, достаточно закрыть глаза и не видеть боли. Психическое проявляется в платоновской прозе в выверенных физиологических ощущениях, таким образом, душевные движения находят как будто материальное воплощение в «веществе существования». Герой рассказа чувствует, «как жарко у него стало в груди», когда высвободилось сердечное тепло и энергия («содрогание»), а само ощущение сердечного тепла – результат преодоления «преграды самолюбия и собственного интереса», т.е. работы сердца.

Установление связи между явлениями психического и физического порядка является основой платоновской метафоры, которая на языковом уровне может проявляться по-разному, но чаще всего ведет к переосмыслению отвлеченных существительных [5]. Нами обнаружено три способа установления такой связи.

Это употребление многозначного слова как в прямом, так и в переносном смысле, например: «Слабый голос умершего еще звучал иногда в душевном воспоминании отца, но *голос* тот был уже еле слышен и *не трогал болью сердце* Петра Савельича...» («Старый механик». Курсив наш).

Использование сравнения, которым обычно задается направленность переосмысления. Функция сравнительного оборота в синтаксисе Платонова чисто формальна: по сути, все его многочисленные «словно», «будто», «как бы» являются сигналом перевода на, так сказать, лишенный словесных абстракций язык. В предложении «Но Люба смотрела на него утомленными глазами, полными терпеливой доброты, словно добро и счастье стали для нее тяжелым грузом» («Река Потудань») контекст создает условия для осмысления переносного значения прилагательного «полный» («исполненный чем-нибудь, насыщенный чем-нибудь, ярко выражающий что-нибудь») в плане свободного номинативного значения («наполненный доверху, до краев чем-нибудь»). Отсюда и возможность буквального понимания сочетания «утомленные глаза»: глаза, а значит душа, устали от груза доброты. Одновременно семантика отвлеченного существительного *доброта* приобретает новые признаки – «вещественность», «конкретность».

Установление прямой логической связи психического и физического в структурно-семантической выводимости одного из другого: «Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить» («Машинист Мальцев»). Обычно, когда нужно передать состояние особой взволнованности, возбуждения в ход идет языковая метафора «душа горит». В ситуации, описываемой в рассказе, происходит обратное: как следствие потрясения наступает состояние апатии, усталости. Изме-

нение видо-временных координат глагола способствует буквализации смысла фразеологизма и возможности установления причинно-следственной связи между явлениями психического и физического порядка. Естественно предположить, что то, что горит, можно потушить водой, поэтому «я захотел пить».

В этом же рассказе связь психического и физического, свойственная образному мышлению А. Платонова, находит для своего выражения такие «лазейки» в системе языковых значений, что совершенство и естественность метаморфозы подчиняет своей логике и синтаксические конструкции: «Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке – ему определили пенсию, жена его работала, детей не было, – но тоска, безжизненная участь снедала Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя» («Машинист Мальцев»). Вместо привычного «он худел» Платонов дает «тело его худело от постоянного горя», хотя речь идет о состоянии самого субъекта. Фраза «тело (физическое)... худело от ... горя (психическое)» смещает наши представления о существе происходящего, устанавливая непосредственную связь между этими явлениями, что в привычном выражении в силу смысловой нерасчлененности этих двух сторон в понятии субъекта не может быть отражено.

Итак, в прозе А. Платонова как стилеобразующая выступает семантическая категория физическое–психическое. Мы попытались понять, как устанавливается связь между ними в художественной системе писателя.

Литература

1. *Иорданская Л.Н., Жолковский А.К., Мельчук И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd 14, 1984.
2. *Шмелев А.Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 142.
3. *Платонов А.* Собр. соч. В 8 т. М., 2009–2011.
4. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
5. *Смирнова В.Г.* Переосмысление отвлеченных существительных в художественном мире Андрея Платонова // *Филологические науки.* 1983. № 5. С. 70–73.

Москва